

Динамика праздничной парадигмы
в культуре советского детства
в 1920–1930-х гг.

В статье анализируются сценарии детских революционных праздников в 20–30-х гг. XX в., рассматриваемые как своеобразные историографические факты истории культурной политики советского государства, направленной на детей. В них отразилась динамика представлений о формах социализации детей в советском обществе: от подготовки к активному участию в непосредственной «мировой революции» путем завоевания и подчинения ребенка – к подготовке детей к будущей самостоятельной жизни путем гармоничного сочетания труда и отдыха в стране «победившего социализма».

Ключевые слова: революция, детские праздники, идеология, молодежная политика, сталинизм.

Историки уделяют большое внимание роли праздников как проявлению социализации и идентификации личности в обществе. Особенно важна роль праздников при утверждении новых социально-политических идеалов, в годы революции, крупных преобразований. Анализируя культурные мероприятия в виде праздников, историки открывают новые возможности осознания политики властей, смысл происходящих преобразований. Так средствами культурных презентаций познается прошлое.

Объектом данного исследования являются детские политические праздники, включая и памятные дни событий и деятелей революции, как важнейший инструмент конструирования исторического прошлого. Предметом статьи является трансформация общественно-политических представлений о детстве в раннесталинской России.

Власти революционной России исходно ставили проблему использования детей в создании нового человека¹. Дети должны быть стать «новыми людьми», но при этом с «памятью», с «опытом» классовой борьбы. Дети являлись, таким образом, носителями памяти о прошлом и инструментом утверждения новых революционных идеалов. Власти пытались внедрять новое сознание через систему праздников как наиболее яркого действия, позволяющего «наяву» прочувствовать «опыт» прошлого поколения, идеалы которого они были призваны воплотить в жизнь. Педагоги-революционеры стремились придать детским праздникам характер «интенсивной культурной инициации»². Субъективно, с точки зрения власти, детей хотели встроить в систему классовой борьбы, поскольку была острая задача создания нового поколения, где дети являлись сразу его, этого нового поколения, образцами, с незапятнанным прошлым сознанием. Но объективно стояла задача социализации детей в новом модернизирующемся обществе. Трансформация политики партии, как она отражена в детских праздниках (собственно – их сценариях) и является показателем развития и решения этого детского вопроса на примере отношения к идеалам новой власти через восприятие их в ходе детских праздников.

Использование детских праздников в политическом воспитании детей имело определенные этапы, в которых решение «детского вопроса»³ увязывалось с общей политикой партии и правительства по развитию революции и строительству «социализма». С начала революции и до середины 20-х гг. решение «детского вопроса» было подчинено нацеленности страны на «мировую революцию». С конца 20-х детская политика властей отражала отказ от «мировой революции», провозглашение курса на «строительство социализма в отдельно взятой стране». Во второй половине 30-х гг. решение «детского вопроса» совпало с завершением строительства сталинского социализма.

Социализация детей с самого раннего сознательного возраста проводилась именно через праздники путем противопоставления их повседневности. Упор делался на непосредственном знакомстве с «основными моментами современности в ее общественно-трудовом и революционном содержании». Праздничная культура как введение в революционную действительность начиналась с самого раннего ясельного возраста – с трех лет. Дальнейшая градация детских революционных праздников ставилась в зависимости от проведения их в школах 1-й и 2-й ступеней, детских домах, учреждениях СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних),

ШКМ (школы колхозной молодежи), и наконец, в пионерских и клубных организациях и учреждениях⁴.

Общей целью была подготовка детей как «смены тем борцам, которые начали и продолжают дело освобождения трудящихся». Педагоги прямо требовали подготовки из детей и подростков новых людей – борцов и строителей. Педагоги-идеологи подчеркивали, что «революционный день – не обычный день, не день праздного досуга». В этот день дети вместе с пролетариатом объединяются коллективными переживаниями, «посвященными воспоминаниям о важнейших событиях в жизни трудящихся»⁵.

Взрослые идеологи-педагоги ставили трудную задачу образовывать у детей «осознанное и прочувствованное прошлое», дающее возможность «яснее видеть настоящее положение трудящихся», проверить пройденный этап, наметить ближайшие задачи. Таким образом, предполагалось зарядить участников празднества революционной энергией и «укрепить волю к настойчивому преодолению препятствий, стоящих на пути к дальнейшим завоеваниям»⁶.

Содержание и цели праздников в части отношения к прошлому утверждалось не сразу. Первоначально праздники были нацелены на поддержку мероприятий советской власти в годы Гражданской войны. В самом начале 20-х гг. детские праздники строились в значительной степени как антитеза старым праздникам, церковным, скучным, непонятным. Так, например, в 1921 г. празднование Пасхи совпало с 1 Мая. Разрешили детям пойти в церковь, но в качестве экскурсии для изучения пасхальных обрядов и для наблюдения над молящимися. Затем были организованы угощение, речи, посвященные 1 Мая, революционные песни и т. п. В 1922 г. впервые встал вопрос о Красной елке. В следующем 1923 г. елку убирала красными флажками и игрушками, изображающими карикатуры на попов, социал-предателей, капиталистов. На пасху устроили даже конкурс куличей, которые были украшены инициалами любимых вождей: Карла Либкнехта, Владимира Ильича, Надежды Константиновны... В 1924 г. елку отменили, январские дни сделали днями подготовки к памяти Ленина. Одновременно велась антирелигиозная пропаганда среди населения⁷.

Противопоставление революционных праздников религиозному праздничному календарю вскоре сменилось созданием собственной номенклатуры праздников, где на первом месте были шесть революционных годовщин. В них были включены «январские дни» (21 января, день памяти В.И. Ленина, 22 января, день памяти «9-го января»), день женщины-работницы (8 марта), праздник в честь свержения самодержавия (12 марта), день Парижской

Коммуны (18 марта), 1-е Мая, праздник Октябрьской революции (7 ноября). Далее следовали Международный юношеский день (начало сентября), а после него – Международная Юношеская неделя с антивоенным содержанием, День Красной армии (23 февраля), День урожая (октябрь), день леса, день скотоводства, день школы и т. п.⁸

Основным содержанием детских праздников являлось продолжение революции. А центральным фактом продолжающейся революции был Октябрь:

Седьмое ноября, семнадцатого года
 Восстал народ. И этот день – наш праздник,
 Он праздник всех трудящихся России,
 И вместе с ней всего трудящегося мира,

– звучало в одной из рекомендованных декламаций праздника⁹.

В праздниках для детей Октябрь воспринимается точкой, делящей прошлое и будущее. Особый смысл тогда виделся в детстве, которое не знало прошлого, зато сразу шагало в будущее: «Кто не жил вчера, будет завтра жить!» В целом праздники как проявление «Культуры 1» были ориентированы на будущее. Отсюда – сжигание, пожар – любимые темы «Культуры 1»¹⁰. Революционный Октябрь начинает новую эпоху, уничтожает правильный ход времени, смещает времена года. Осенью природа не умирает, а оживает, поскольку «Октябрь» «на крыльях приносит весну... Весна в Октябре расцвела...», «Весна среди осени», «Вечная весна» – частые мотивы декламаций на празднике.

В празднике использовалась широкая гамма средств для приобщения детей к делу революции. Этому помогал и сам материал, ведь дети всегда «партийны», всегда разделяются на партии: кто – кого, что было удобно для агитации, считали педагоги. В празднике задействовалась эмоциональность детей, их «чистая радость» по типу первобытных дикарей, которая освобождает от «узости индивидуализма». Праздник был и моментом «учета, пропаганды» школьной работы, как отчет о работе самой школы. Праздник имел еще и побочные цели: знакомства детей, отвлечение их от «праздничной жизни»¹¹.

Важны были и эстетические средства праздничной культуры. Предполагалось, что праздник должен «нести красоту в каждой своей части», проникнутую «бодрым духом», звать на подвиг, программа праздника должна была быть красочна, активна, динамична¹². Праздник должен был вызывать восторг, любовь, рождающую

порыв, а с другой стороны – «ненависть, отвращение, готовность к беспощадной борьбе». Так, декламации должны были донести всю гамму отношения к революционному прошлому и настоящему. Баритоны и тенора выражали силу, радость, гнев; баритоны, альты – металличность, звон; баритоны, тенора, альты – свет, клич, гордость; баритоны, тенора, сопрано – радость, удар, крик; тенора, сопрано – всплеск, яркость, вопль¹³. В ходе праздников подчеркивались все элементы и праздника «взрослого: театр, митинг, демонстрация, партийное собрание». В праздничных сценариях широко использовалось творчество деятелей Пролеткульта, как поэтов (И. Садофьев, М. Герасимов, В. Кириллов, А. Жаров, Н. Тихомиров, Б. Александровский, В. Александровский, И. Ионов, П. Арский, А. Навроцкий, П. Якубович, А. Гастев и др.), так и драматургов (Б. Ярцев и др.).

Детские праздники 20-х гг. в целом являлись проявлением «Культуры 1», характеризующейся перемещением, изменением состояния, неустойчивостью, нестабильностью. «Это “вечный бой”, “перманентная революция”, “земля дыбом”», – утверждает исследователь «Культуры 1» и «Культуры 2» В. Паперный. Октябрьские праздники заключались в изображении победоносного шествия революции вовне СССР, на другие страны. Для этого практиковалось «странствование» группы детей по странам капиталистического угнетения, освобождение детьми угнетенных капиталом, пленных товарищей. Детский Первомай проявлялся в завоевании близлежащего пространства: соседних районов, деревни.

Важнейшим инструментом праздника являлся принцип витализации. Овеществление, материализация, контактность, предметность события являлись тем более важными, что дети исторического прошлого не знали. Так, тема революции часто представлялась в «живых картинах». Например, в пирамидальной группе «Пролетарии все стран, соединяйтесь!» на высоком помосте изображалась величественная фигура К. Маркса с раскрытой книгой «Капитал» в руках. Одна рука вождя лежала на книге, другой он властно призывал к себе всех угнетенных рабочих и крестьян. Они отовсюду ползли «в мучительных позах» с орудиями в руках и тянулись к великому вождю. Все это было на фоне яркого красного знамени с девизом коммунизма¹⁴. Другим видом витализации праздника являлась коллективная игра. Считалось, что она объединяла различные виды «биофизического воспитания»: драму, хоровое пение, физкультуру, изобразительную работу. В соответствии с указанными формами культуры педагоги и составляли сценарии праздников. Главными были здесь: игра, словесная импровизация, движение

(хороводное, маршевое, бег), хоровое пение, игровые фигуры (разделение на партии, круг, догонка)¹⁵.

Использовались также приемы инсценировки и драматизации. Инсценировка имела целью показать прошлое наяву, драматизация должна была ввести детей «непосредственно» в революцию. З.И. Лилина, жена Л.Б. Каменева, призывала в рамках знакомства с историей классовой борьбы не бояться показа детям сцен расстрела революционеров (коммунаров), убийства рабочих и детей (9 января), смертной казни (в годы царского или белогвардейского террора). Примером такого действия являлась массовая майская инсценировка детей в Михайловском Манеже «Октябрьская годовщина». В ходе ее местом действия была не только сцена, но и все пространство здания («весь мир»). В «революционном» действии атаки «революционных войск» шли прямо по проходу, пересекающему зал. Там же шел «баррикадный бой» и «траурное шествие»¹⁶. Приобщение к «реальным» событиям (сражения, стрельба, бросание бомб) приводило к широкому использованию на праздниках огненных символов – иллюминации, факелов. Использовались и чисто литературные части праздника, которые также могли превращаться в инсценировку: политдоклад – в политсуд, декламация – в сцену принятия заветов и др.

Важнейшим элементом осовременивания революционного прошлого, превращения его в настоящее являлось изображение борьбы, к которой призывали детей. Эта борьба была тем значимее, чем страшнее было прошлое:

В прошлом мука, в прошлом беды,
А теперь борьба, борьба!

Мы смерть врагам несем...
Нам не страшны невзгоды
И рок лютой судьбы...
Мы растем Октябрем и Маем!
На расплавленных гребнях борьбы!

– звучало в другой декламации.

Вышли мы... Для кровавой страшной битвы...
Пожаром восстаний горят наши гордые души.
Мы во власти мятежного, страстного хмеля,

– сообщали декламаторы на детских праздниках¹⁷.

Детей готовили к нескончаемым битвам. При этом отвергалось все прошлое и настоящее, которые приносились в жерт-

ву будущему. Впрочем, и будущее было наполнено борьбой. В призывах к «борьбе и мести» будущее выглядело как «суровая судьба», predetermined самими обстоятельствами рождения:

Мы ленинцы, мы пионеры,
Мы пролетарские птенцы...
Мы Красной революции зорьки,
Мы мятежами рождены.

Или:

Родились мы в буре,
Нам жизнь борьба дала.
Парижская Коммуна
Нам бабушкой была...
Мы – дети коммунаров
Мы – дети Октября¹⁸.

Детям со сцены говорилось (или дети говорили) о нечеловеческом материале, из которого они сделаны:

Мы растем из железа.
В жилы льется новая железная кровь.

Революционную неудержимость, «перманентность» борьбы во имя революции подчеркивали глаголы движения, активного действия:

Мы шли –
Разбить.
Мы шли –
Сгореть:
Иль победить,
Иль умереть!¹⁹

Поскольку детских сил для борьбы могло не хватить, то главная задача заключалась в том, чтобы помочь старшим, занять их место. Порою детям прямо предлагали отказаться от детства, чтобы заменить в борьбе и труде старшее поколение:

Ах, скорей бы прошел этот год.
Скоро буду я взрослым мужчиной,
Поступлю в настоящий завод,
Где вертятся машины.

В другом праздничном стихотворении дети строили игрушечный завод с вполне взрослыми, революционно-производственными задачами:

В одном углу мы поставим стол,
 На стол скамью, а сверху трубу, –
 Вот и готов простой наш завод,
 И шумно в нем живет народ.
 ...мы на работе, мы кузнецы, –
 Куем мы счастье для всей страны.
 И здесь на заводе, у малышей
 Окрепнут силы для Октябрей.
 Нам не до кукол не до мячей, –
 Железа, молот нам и гвоздей.
 Быстро, колеса, громче, гудок,
 И радостно свисти, свисток!²⁰

В такой работе не было места для детства, для мечты:

Эй, девчонка,
 Брось читать сказки.
 Не мечтай стать королевой.
 Шагай с нами
 Левой, левой, левой!

– призывала очередная декламация со сцены детского праздника. Жертвой этой борьбы объявлялось и прекрасное. Дети со сцены произносили «знаменитые» слова пролетарского поэта В. Кириллова: «Разрушим музеи, растопчем искусства цветы!..»

Фактическое ускоренное взросление для дела революции включало само детство. Это проявлялось в вопросе подарков для детей. Самое большее, на что готовы были педагоги-идеологи в ходе детских революционных праздников – это улучшить пищу для малышей, сделать хоть какие-нибудь подарки²¹. Допускалось делать «неизбалованным детям» массовой школы «скромные угощения и скромные подарки»: тетрадки, карандаши, кусочек мыла, гребенки, ситцу на рубахи. Зато практиковались специфические «политподарки», которые, например, дарили дети из других стран советским пионерам. Так, «иноземные дети» дарили советским детям толстого капиталиста для зоосада, сувенирный мешочек с «предметами для религиозного дурмана». За «политподарки» советские дети вручали иностранным детям красные знамена.

В детских праздниках революция открывала путь обществу мира, без войн и оружия. Наряду с пацифизмом проповедовался и интернационализм, граничивший с космополитизмом:

Зачем эти ружья и пики?
Не надо штыков и мечей,
Кровавых разбоев улики,
Наследие злых палачей!..

Оружие долой...

Долой все границы, заставы,
Для братьев весь мир – общий дом...

Оружье вдребезги ломайте
Убийц не будет среди нас...
Для всех настанет вечный мир...
Оружие долой,
Солдаты по домам!..

Но и внутри общества проповедовались отсутствие насилия, ненужность в принципе силовых государственных институтов:

Все крепости, тюрьмы разрушим,
оковы родимой страны,
И факелы злобы затушим
Дыханием мирным весны²².

Особенные свойства готовности к революции обнаруживались в дни памяти Ленина. Здесь в детском празднике вполне уживалась культура смерти и будущего, что было характерно для «Культуры 1». «Смело по нашим могилам вперед!» – призывала одна из декламаций. «Пионеры, все на могилу Ильича!» – звучали призывы первых лет после смерти Ленина. Порою революционные детские праздники были выдержаны в духе революционного мистицизма, когда дети обретали возможность «видеть» скрытые истоки и пути осуществления революционных идеалов. Так, дети были способны общаться с ушедшим вождем, внимать его замогильным заветам:

Он шепчет из гроба наказы.
По миру несите приказы:
«Борьба до конца! –
То мой первый наказ:
Достройте мои баррикады...
Ломайте прогнившие стены».

Дети не могли представить смерть того, кто предвещает будущее. Поэтому вполне понятен для детей лозунг: «Ленин жив!», «Ленин с нами», «Вождь умирает, а дело живет». С другой стороны, детям были известны другие формы «бессмертия» Ильича. У гроба Вождя дети узнают, что Ленин не умер: «Ленин живет иначе». «Жизнь» Ленина после смерти в детском восприятии была многоликой. На детском празднике дети узнают, что Ленин теперь в Пекине во главе восстания. В другой декламации утверждалось:

...Ленинское сердце
В каждом восставшем рабочем живет.
Мы еще увидим Ленина в красноармейце,
Штык вонзающем
В панский живот.

Мы его увидим в каждом восстании,
В каждой битве под знаком РКП...
Ох, как грохнут, буйные бомбы,
Волей Ленина брошенные в капитализм!..
Ныне – он в работающем тресте,
В деле смычки...²³

В целом обретение детьми возможности вместе со взрослыми осуществлять революцию представлялась «раем», «первым раем»:

Это будет наш первый и радостный рай,
И в новую школу летит наш детский рой.
Пусть старый мир уйдет в подвалы
Мы заколотим двери в них.
Для наших песен школы мало –
Для нас мир целый не затих²⁴.

Особенность этого рая была в том, что главным его признаком считалось именно приобщение к «древу познания». Будущее же «детское счастье» обещало быть еще прекраснее, тем важнее была борьба за него вместе со старшими:

Вырастем им на подмогу:
Жить на свободе хотим.
Детскому счастьем дорогу, –
Все за него отдадим!²⁵

«Мы сами жизнь такую выстроим, чтоб всем жилось на свете влать», – обещали дети в одной из праздничных декламаций²⁶.

Перемена стратегии партии от мировой революции к построению социализма в отдельно взятой стране коснулась и решения «детского вопроса», что отразилось и на детских праздниках. Прежде всего, изменилась сама их номенклатура, количество, значение. В дошкольных учреждениях решено было праздновать только три праздника: Октябрьской революции, 1 Мая и День Красной армии. Номенклатура детских праздников для школьных учреждений, правда, оставалась прежней, однако на деле общественные праздники стали играть существенно иную роль. В школьной и внешкольной программе происходит реабилитация классической русской литературы. В праздниках начинают большое место занимать вечера химии, физики и т. п. Связано было это с изменившимися целями праздников. В них значение революции оценивалось с точки зрения настоящего, с точки зрения «страны победившего социализма». По-другому расставлялись и акценты готовности школы и пионеров к революционной борьбе. Главное внимание уделялось «подготовке из детей активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества, готовых к борьбе за окончательное установление коммунизма во всем мире». Однако на первое место выходила не подготовка к революции, а получение конкретных знаний:

Без знания дороги нет.

Борьтесь за качество знаний
За дисциплину и порядок,
За физкультурный час
Организуя досуг здоровый...

– требовалось теперь от пионеров и школьников.

Пионеры! Наша задача ясна:
Взрослых будите от крепкого сна.
Требуйте, чтобы каждый двор
Дал детворе чистоту и простор.
Следить за тем, чтоб бульвары стали
Местом, где дети спокойно б играли.
Без волокит и бумажных затей
Сады непременно отдать для детей!²⁷

Новое понимание революционного дела для детей как усиленной учебы требовало и нового понимания поощрения и отдыха. На первое место выводятся

Любовь и подарки
 Новые школы,
 Отдых веселый
 Лагеря и курорты
 И площадки для спорта
 Новогодние елки
 И костюмы с иголки.

Обретаемое детство предполагало осознание ценности патриотизма. Отсюда воспитание у детей «любви и преданности ко всему тому, что характеризует нашу социалистическую стройку, нашу родину». Появляется и тема вождя, который с заботой все это для детей устроил. Ему не нужно заветов для борьбы в будущем, его нужно просто благодарить за настоящее:

За наше счастливое детство такое,
 Добытое в жаркой упорной борьбе,
 От сталинцев юных спасибо большое
 Правительству, партии, лично тебе!

Пафос реальных дел, а не призыв к революции для будущего поставили вопрос и о защите завоеваний социализма. Выдвигается тема внутреннего врага-вредителя, для борьбы с которым призываются пионеры:

Мы строим коммунизм,
 Идя по жгучим кручам.
 Для каждого, для мира, для себя.
 Наш недобитый враг
 Охвачен диким гневом.
 Он хочет к нам вползти
 И прямо и тайком.
 Троцкистом, кулаком,
 Кулацким правым, левым, –
 Проникнуть, обмануть...
 Все смотрите в оба,
 Чтобы выполнить наш план
 До срока и сполна²⁸.

С начала 30-х гг. в праздниках возникает тема обороны, подготовки к участию в этом деле детей. В музлитмонтаже «Оборона страны» утверждалось: «Мы против войны, но мы должны твердо помнить, что должны быть готовы к обороне нашей страны». К этому призывал и декламационный материал праздников, например:

Должны уметь мы целиться...
Мы будем санитарями.

По-иному трактуется теперь и праздник 1 Мая: это то же «завоевание пространства», но – военными методами, со знанием военного дела, а Маевки сочетаются с массовыми военизированными играми.

Меняется и тема отношения к СССР извне, возникает тема патриотизма. Вместо ожидаемой революции вовне, славятся ее плоды для родины:

И рухнула страна-рабыня,
И выросла страна труда...
Страна большевистской весны²⁹.

Во второй половине 20-х годов тема победы социализма в СССР и как ее следствие – пересмотр роли детей, самого детства нашли окончательное завершение в детских праздниках этого периода. Место революции в истории России было кардинально пересмотрено. Если раньше, в 20-х гг., Россия начинала революцию, а окончательная ее победа обуславливалась развитием этого процесса на Западе, то теперь сообщалось, что в России такая революция не только уже произошла, но и привела к полной победе социализма. По-существу, тема революции была исчерпана. Отпадала и функция витализации: тему революции незачем было изображать на сцене, инсценировать или драматизировать. Настоящее и было осуществленной, совершенной революцией. Детям предлагали не играть в революцию, не ждать ее, а непосредственно участвовать в революционном строительстве на своем уровне: то есть учиться и радоваться настоящему. С позиции великих достижений настоящего оценивались прошлое и будущее: не Октябрь положил начало будущему, а настоящее определило значение прошедшего.

В методических разработках для детских праздников предлагалось сосредоточиться на показе детьми или взрослыми достижений Октябрьской социалистической революции: метро, новых школ и заводов, полетов аэропланов, парашютистов, внушать детям «ко-

лоссальную разницу между жизнью в нашей стране до Октября и в настоящее время, между положением трудящихся и их детей у нас и в зарубежных капиталистических странах, осознать всю радость и полноту жизни нашей эпохи Сталинской конституции, нашего счастливого сегодня», «доставить ребенку большую активную радость»³⁰.

Устанавливается номенклатура праздников, в которой наряду с общественными праздниками значительное место занимали и чисто развлекательные, познавательные: Новый год и новогодняя елка, начало и конец учебного года, литературные и этнографические (народы СССР и народы мира) вечера, праздники юных натуралистов (день птиц, день леса и др.), научно-технические, физкультурные, сказок, музыки и т. п.

Праздник Октября все более наполнялся радостными красками: «чудесный день, когда город цветет миллионами флагов, плакатов, лозунгов и огней, когда в небе носятся густые тучи самолетов, а улицы запружены нарядными колоннами демонстраций». Центром праздника являлась демонстрация на Красной площади, где можно увидеть на мавзолее «самого любимого в мире человека – Сталина», других вождей, «и усатого приятеля всех октябрят – Буденного...». На празднике теперь нет «встреч» с Лениным, с большевиками, которые бы учили, как делать революцию. Однако есть благодарность партии за счастливое настоящее. В целом революционный процесс заменен здравицей настоящего, совершенного, и тем более – «пеанами» настоящему вождю.

Это отразилось в праздниках, посвященных принятию сталинской конституции 1936 г. В новом празднике превыше всего считается навсегда установленный сталинский порядок, «закон», славится не вера в будущую революцию, а конкретные дела для настоящего. Именно с детской праздничной сцены раздались здравицы вождям, стране «за детство счастливое наше», за «золотое детство», за то, что «радостно, прекрасно жить!» Детский праздник революции превращается в «праздник детства», где памятная дата или «день» революции и т. п. превращался всего лишь в информационный повод.

Самый сценарий детского праздника был лаконичен и сводился к нескольким позициям. Значение Октября было в реальных достижениях, которые и демонстрировали («рапортовали руководству страны») взрослые: на фабриках и заводах готовили машины, одежду, обувь, конфеты; на стройках заканчивались новые дороги, мосты, дома, школы и детсады. Дети тоже показывали на выставке подготовленные материалы о том, как они «живут дружно и стара-

ются хорошо работать» – как учит нас тов. Сталин. Вывод – «у нас в Советской стране живет все лучше, все радостнее».

Далее следовали здравицы родине:

Наша Родина богата и сильна,
Наша Родина – прекрасная страна!

Завершающим аккордом выражения радости от таких достижений были здравицы вождю: «Все взрослые и дети горячо любят Советскую страну – свою Родину – и великого вождя и учителя товарища Сталина. Да здравствует друг детей и всех трудящихся товарищ Сталин! Ура!» Такой нехитрый сценарий вменялся к обязательному введению во всех детских дошкольных учреждениях³¹.

Претерпели изменения и средства сценического изображения, драматургии праздников. Если в 20-х гг. детей показывали в революционном движении, в постоянных путешествиях по странам и весям, то теперь все события происходят в одном месте, где дети пребывают в центре, а вокруг них разворачиваются картины настоящего. Даже отдельные части праздника принимали тяжеловесный характер, например, Кремлевская стена, массивная трибуна. В ходе праздника подробно перечислялись и показывались достижения социализма: планы пятилеток, новые стройки, героические перелеты, стахановское движение. Такая тяжеловесность детского праздника вполне сочетается с тенденцией «затвердения», характерной для «Культуры 2»³². Как правило, дети сами наряжались в героев пятилетки, «знатных людей», «лучших людей страны» – или же последние, настоящие или бутафорские, сами приходили на праздник.

Детский политический праздник сталинской эпохи демонстрировал значимость настоящего, в отличие от призывов к будущему праздников 20-х гг. Настоящее объявлялось лучшим, а будущее было лишь продолжением, улучшением этого настоящего:

Перед нами в солнце, в зорях
Будущее наше.
Каждый день сегодня лучше,
Лучше, чем вчерашний...

Изменяется и лексика праздника. Глаголы движения заменяются описанием, обозрением настоящего, сотворенного:

Мы идем дорогой солнца...
Слава родине великой –
Полю, лесу, горам.

По-другому предстает и роль вождя: теперь он не звал к борьбе и победам, поскольку Сталин, «деяний славных мастер», их уже совершил:

Ты вражью жадность иссушил,
Ты нас победам научил,
Ты в руки слабых ключ вручил
От новой жизни, Сталин.

Все праздники второй половины 30-х гг. проходили как праздники «радости и счастья».

Полноценность радости детских праздников демонстрировало возвращение детской елки. Но и революционные праздники отличались также «радостным», почти новогодним характером. На празднике фигурировала теперь собственно праздничная, развлекательная сторона. На любом из праздников, от детского утренника до вечера для старшеклассников было предусмотрено наличие киосков и буфетов с угощениями, фрукты, сладости, воды, конфеты, бутерброды. В разных залах проходили аттракционы, веселые развлечения, настольные игры (домино, шашки, морской бой, китайский и настольный бильярд). В самой программе праздника основную часть занимали после торжественной части (доклада не более чем на 40 минут, шествий и парадов) всевозможные развлечения, забавы (математические, электрические, химические), головоломки; фокусы, шарады, ребусы, аттракционы (большие, малые, шуточные), игры массовые и групповые (подвижные, малоподвижные, под музыку, с пением, драматизированные, настольные), танцы, пляски (массовые, парные, сольные), массовое пение, смотры, конкурсы (танцев, костюмов), художественные выступления на сцене: концерты, спектакли, кукольный театр, теневой театр, выступления кружков (одиночные и групповые), выступления художественных кружков в массе (инсценировки, песенки, танцы, музыка, пение, физкультура), эстрадные номера, шарады и т. п.

Почти единственным атрибутом политического, революционно-го или политического праздника было его название и неременное общее приветствие всего зала: «Спасибо товарищу Сталину за радостное детство» (вариант: «...за радостную юность»). Огромную роль на праздниках играли теперь подарки. По сценариям, детям привозили целый разукрашенный домик (или паровоз, или огромный арбуз) с игрушками: куклами, матрешками, собачками, кошками, цветными пирамидками, волчками, мячиками, прыгалками. Дети рассказывали или пели игрушкам о своем счастливом детстве, о стране:

Где дни, как праздник, стали,
Как праздник, – каждый час!
Где друг – Великий Сталин
Заботится о нас!

«Детскость» праздника должен был усилить и Петрушка, ставший почти непременным атрибутом всех, включая общественно-политические и революционные праздники:

Ребятам-октябрятам
На много-много лет
Петрушка шлет привет!

Дети отвечают Петрушке веселой песенкой:

В какой стране ребята
Зовутся «Октябрята»? – в СССР!
Скажите где на свете
Смеются громко дети? – в СССР!
Где жизнь чудесней сказки,
Где радость, смех и пляски? – в СССР!
Где маленькие дети
Счастливей всех на свете? – в СССР!

Идеологам детских праздников оставалось, однако, примирить все нарастающую «праздничную», развлекательную, подарочную сторону праздников с идеей международной революции, даже с позиций победившего социализма. Для этой цели использовался тоже Петрушка³³.

В сценарии праздника М. Иенсена, рекомендованном к широкому использованию при организации детских утренников в дошкольных учреждениях и для неорганизованных детей показывается приезд немецкого пионера из фашистской Германии вместе с Петрушкой. Немецкие пионеры заколотили ящик с флажками, которые хотели у них отнять буржуйские солдаты – фашисты, и со знакомым летчиком отправили в СССР, потому что в СССР «никто не обидит пионера». Петрушку просят выйти из ящика, но он не выходит: «Ой-ой-ой! боюсь! Спасайте меня, ребята! Это подошли буржуйские солдаты. Они красные флаги отнимают, они октябрьскую демонстрацию разгоняют! Ой-ой-ой! А вдруг это не СССР?» На это дети в зале кричат, что – «СССР». Наконец, Петрушка вылезает и пляшет перед детьми, раздает всем флажки,

а затем и подарки. Дети же в свою очередь пляшут перед Петрушкой, маршируют и т. п.³⁴

Петрушка и далее является на праздник Октября в соответствии с другими сценариями. Причем приход Петрушки в революционный праздник должен был подчеркнуть его особую, праздничную значимость:

У нас, на нашем празднике,
И музыка, и пляс,
И выставлены разные
Игрушки напоказ.
И сам Петрушка в гости к нам
Прикатит в этот день,
В своей шапчонке остренькой,
Надетой набекрень!
У нас игра победная,
Веселая игра!
Сюда! Немедленно на праздник Октября!³⁵

Для праздников сталинской эпохи характерны, однако, остаточные явления прошлых праздников: скрытого революционного прошлого, борьбы с врагом на сцене, что требовало использования элементов приема витализации. В этом случае драматизм носил, очевидно, невсамделишный, «игрушечный», хотя и революционно-праздничный характер. Так, например, в ходе праздника балаганной Петрушка проявлял неумную радость по поводу новой школы, освещал неподдельным, праздничным весельем «детское счастье», отпускал смешные комментарии по поводу подарков, всего праздника. Являясь, Петрушка орал: «Замечательно! Сногшибательно! Я сам пришел! Я на праздник пришел! Своими ножками – топ-топ, своими ручками – хлоп-хлоп! Хорошая школа, великолепная школа! В ней надо хорошо учиться. Очхор! Спасибо. Спасибо! Ребята, кричите: спасибо!» Затем Петрушка участвует в раздаче подарков и показывает пример того, как не надо себя вести: жадничает, все яблоки, груши пытается съесть сам. Сцену радости деления подарков и фруктов посещает Красноармеец: «Ребята! Я пришел вам сказать, что вы можете спокойно веселиться и праздновать, спокойно расти и учиться – вас никто не тронет. Красная армия сторожит вас и всю Советскую страну. Мы врага не допустим близко, наши винтовки метко стреляют». Красноармеец даже демонстрирует, как он умеет точно стрелять и «попадает» в Петрушку... Тот «с криком повисает безжизненно на ширме», демонстри-

руя меткость красноармейца в его решимости «защитить детей»: «Ай-ай-ай, я убит! Ай-ай-ай, я ранен! Навылет в грудь! Прострелен насквозь!» Но Красноармеец уверяет Петрушку, что он жив и дает ему яблочко. Затем Петрушка пытается лететь на парашюте с летицей-парашютисткой, а на приглашение метростроевца спуститься в метро приходит в панику. Но его уверяют, что там светло и красиво, как «в самом богатом дворце». Наконец, Петрушка дарит всем подарки, конфетти и серпанты³⁶. В целом именно с этого времени, с конца 30-х гг., и вплоть до наших дней установился сценарий детских праздников, главную часть в которых занимают веселье и подарки, часто при участии того же Петрушки³⁷.

Огромное место на детских праздниках занимали теперь пляски, игры, и особенно угощение. Его наличие в изобилии тоже должно было свидетельствовать о значимости достижений Октябрьской революции. Дети, одетые в национальные костюмы, физкультурников, пионеров и летчиков, приветствовали великий праздник годовщины Октябрьской революции и товарища Сталина. После пения «Интернационала» и песни «В нашей стране радостно живет» начиналась пляска «Выйди, Вовочка, в кружочек». Подытоживался праздник рассказом взрослого ведущего о детском счастье, данном Октябрем:

Мы живем в стране счастливых,
Много ржи у нас на нивах,
Много яблок, винограда,
И конфет, и мармелада.
Всем страна у нас богата
Это все для вас, ребята.

В целом угощения занимали явно непропорциональное место в политических детских праздниках, на что даже жаловались педагоги³⁸.

Кроме привычных радостей, дети получили в конце 30-х гг. и ясное понимание «родины». Если будущее революции не имело определенных границ, то настоящее детское счастье таких границ потребовало. Родина, СССР была «большая», «сильная», «богатая» «и на свете лишь одна». Эта родина была «страной свободы, светлой радостью полна». Непременным рефреном любви к родине было обещание ее защищать, тема патриотизма:

Мы чужого не хотим.
Но своей страны, ребята,
Никому не отдадим.

Так в общественно-политических представлениях замкнулся круг детского приобщения к радостям жизни: от устремленности в революционное будущее, через успехи сталинской социализации к обретению настоящего детства с его гармоничным сочетанием труда и отдыха в стране «победившего социализма». Сталинские детские праздники подчеркивали все радости этого возраста и одновременно отражали полноту родительских чувств по отношению к счастливым детям. Для детей это означало обретение семьи, отца, в образе Сталина, несомненно, присутствующего и каждодневно заботящегося о ребенке, одаряя его подарками. Это представлялось возвращением в семью после «хождения в люди» (в революцию), где единственным любимым существом представлялся дедушка (Ленин). Детский праздник демонстрировал воплощение счастья, возвращение в «рай». Если революция в детском празднике представляла как образ заманчивого, далекого, «другого» рая, то сталинский социализм представлял как рай возвращенный, вновь обретенный. Условием постижения счастья в этом «рае» был отказ от революционного познания мира и послушное постижение плодов отеческой любви.

Примечания

- ¹ Салова Ю.Г. Политическое воспитание детей в Советской России в 1920-е годы. Ярославль, 2001. С. 3.
- ² Орлов О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен. СПб., 2003. С. 41–42.
- ³ Под «детским вопросом» автор понимает проблему создания в первые десятилетия Советской власти инфраструктуры социализации детей.
- ⁴ Десятая годовщина Октября в учреждениях соцвоса. М.; Л., 1927. С. 16; Дюшен В., Замятина А. Политические праздники в школе и детском доме: Руководство для педагогов. М.; Л., 1926. С. 50.
- ⁵ Школьные праздники: Методическое письмо. М.; Л., 1928. С. 8–10; Десятая годовщина Октября в учреждениях соцвоса. С. 18–23; Коньков Р., Лешин Я. Работа школы в революционные дни. М., 1926. С. 31.
- ⁶ Устинов И., Коньков Р. Праздник Октябрьской революции в школе. М.; Л., 1925. С. 23.
- ⁷ Дюшен В., Замятина А. Указ. соч. С. 33–34, 73.
- ⁸ Школьные праздники... С. 8–10.
- ⁹ Устинов И.В., Крылов В.И. Праздник Октябрьской революции в школе: Серия сборников по устройству школьных праздников. Вып. 4. М., 1923. С. 45.

- ¹⁰ Паперный В. Культура Два. М., 2006. С. 41–42.
- ¹¹ Революционные праздники в школе первой ступени. По отчетам, сочинениям и дневникам педагогов и детей школ городских, деревенских и школ при производстве. М.: Новая Москва, 1926. С. 6–8.
- ¹² Устинов И., Коньков Р. Праздник Октябрьской революции в школе. М.; Л., 1925. С. 5–7.
- ¹³ Савинская О.Г. Революционные и бытовые праздники в деревенской школе. М., 1926. С. 115.
- ¹⁴ Устинов И.В., Мурзаев В.С. Первое мая в школе: Сборник по организации Первомайского праздника в школах всех ступеней и типов / Под ред. А.М. Лебедева, Н.А. Пашкова, В.Г. Полякова, И.В. Устинова. Вып. 1. М., 1923. С. 61–62.
- ¹⁵ Красный календарь в трудовой школе. Методические статьи, инструктивный материал и библиография. Сборник, составленный З.И. Лилиной. Л., 1925. С. 25–27.
- ¹⁶ Там же. С. 12, 29–31.
- ¹⁷ См.: Устинов И., Коньков Р. Указ. соч. С. 104; Герасимов М., Ефремин А., Кочетов С., Обрадovich С. Школьная эстрада: Декламационный материал для школ I и II ступени. М., 1924. С. 10, 19.
- ¹⁸ Праздник Октября в пионерском клубе. М., 1924. С. 65–66.
- ¹⁹ Герасимов М., Ефремин А., Кочетов С., Обрадovich С. Указ. соч. С. 20
- ²⁰ Революционные дни в школе: Руководящие статьи, инсценировки, стихотворения, ноты / Сост. Р.Б. Харитоновна, В.В. Витте, М.Ф. Березова и др. Сб. 1: Годовщина смерти Вл. Ил. Ленина. Двадцатая годовщина «9-е января». Свердловск, 1925. С. 116.
- ²¹ Праздник Октября в пионерском клубе. М., 1924. С. 51.
- ²² См.: Устинов И., Коньков Р. Указ. соч. С. 95.
- ²³ Революционные дни в школе... С. 75–76.
- ²⁴ Дюшен В., Замятина А. Указ. соч. С. 44.
- ²⁵ Савинская О.Г. Революционные и бытовые праздники в деревенской школе. М., 1926. С. 32.
- ²⁶ Праздник Октября в пионерском клубе. М., 1924. С. 93.
- ²⁷ Затеи́ник. 1929. № 3. С. 16.
- ²⁸ Праздник 15-й годовщины октября в школе: Методический сборник / Под ред. Е. Глатман, К. Чужко, С. Луначарской. М.; Л., 1932. С. 28.
- ²⁹ Затеи́ник. 1932. № 5. С. 8.
- ³⁰ Метлов Н.А., Михайлова Л.И. Праздники в дошкольных учреждениях. М., 1936. С. 6.
- ³¹ Художественный материал для детей дошкольного возраста к 22-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1939. С. 3–7.
- ³² См.: Паперный В. Указ. соч. С. 45–46.
- ³³ Имена праздничных персонажей также были символичны. Так, Вася всегда изображал простодушного, «рабочего» паренька (производное от «рабочего

Василия»). Павлик воплощал на детском уровне идейность, «партийность» (производное от Павлика Морозова). Петя и его игрушечный аналог Петрушка представляли «своего», но увлекающегося, неустойчивого в силу трусости или эмоциональной «ущербности», товарища (что-то вроде «мальчикового» интеллигента).

³⁴ Дошкольное воспитание: Методический сборник. 1934. № 4. С. 6–8.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ *Смирнова В.* Сценарий для проведения праздника Октября в детском саду // Дошкольное воспитание: Методический сборник. 1935. № 6. С. 44–47.

³⁷ Праздники елки в детском саду: История и современность: Сценарии: Учебное пособие / Авт.-сост. М.Б. Зацепина, Т.В. Антонова. М., 2006. С. 59–61, 155.

³⁸ *Метлов Н.А., Михайлова Л.И.* Указ. соч. С. 52.